

Талина Островская

Талисман
жемы Лота

Галина Островская

Талисман жены Лота

Текст предоставлен изд-вом "Книга-Сэфер"

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3373715

Галина Островская. Талисман жены Лота: Книга-Сэфер; Тель-Авив;

2008

ISBN 978-965-7288-24-5

Аннотация

«Русская» израильянка, молодая, умная, независимая, одинокая... словом знакомая нам и по жизни, и по книгам, становится героиней мистического триллера, самого популярного жанра XXI века.

И уже поэтому новый роман Галины Островской, написанный образцовым русским языком, обречен на успех.

Содержание

Пролог	5
Суета	6
Ночные фантазии	19
Голос из ниоткуда	28
Встреча	35
Защита	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Галина Островская
Талисман жены Лота
роман во спасение

Автор выражает благодарность фонду «Апотропус» и Министерству абсорбции Государства Израиль за помощь в издании книги

Пролог

В сердце мертвой выжженной пустыни лежала женщина. Три ангела парили над ней.

Медленно опустился и сел в изголовье Ангел Первопричины.

Ангел Огня, взрезав ночь молниями, приземлился у ног ее...

Из-за крыла, перебитого в боях за любовь, молодой Ангел Жизни никак не мог совершить точную посадку. Наконец, почти упав, прикрыл единственным сильным крылом ее сердце.

– Братья, – сказал Старший Ангел, – она заслужила.

– Да, – согласно кивнули два других.

– Освободим ее? – спросил каменный исполин – Ангел Первопричины.

Посланцы неба тихо запели Молитву ВОСКРЕШЕНИЯ.

Суета

Сквозняк хозяйничал в доме, как римский легионер.

Тяжелые двери распахивались сами собой и, тотчас брошенные назад, с животным визгом вонзались в дверные проемы.

Аглая сидела в кресле.

– Встань, закрой окно, – ругала она себя.

– Ну, не ленись, – упрашивала тихо и безнадежно.

Распластанное тело отдавало другие приказы:

– Сиди, не двигайся! Не шевелись... Замри!

– Давай, сударыня, посчитаем, во сколько тебе обойдутся новые стекла, – язвил, как всегда, трезвенник-мозг.

– Сиди, – стонало тело. – Знаешь, откуда я сейчас тебя вытащило?

– Ты хочешь сказать, из ада? – попыталась сыронизировать Аглая.

Лихорадочно рассекая пограничье времени, застучали часы в холле.

Аглая вдавила ногти в ладони. Скулы свела оскомины, спина выпрямилась.

В замке входной двери еле слышно заворочался ключ.

– Ты чего, киска? – на пороге стоял Алик, жилец. – На тебе лица нет.

– Закрой балкон... сквозняк, – прошептала Аглая, чув-

ствуя, однако, что иезуитская воронка, всасывающая в себя потоки ее жизненных сил, прекращает свое бешеное вращение.

– Не понял? – переспросил Алик.

– Я попросила закрыть балкон, потому что сильный сквозняк. Думала, стекла вышибет...

С Аликом она всегда говорила предельно четко.

– Балкон закрыт, – привстав на цыпочки и вытянув кадыкастую шею, констатировал Алик. – Да. На щеколду, – подойдя поближе, деловито доложил. – Собственно, откуда взяться сквозняку...

Он подошел к двери в спальню и закрыл ее.

– Так ты ездил в Иерусалим сегодня? – спросил. И тут же добавил: – Зря!

– Будь любезен, принеси воды, – с трудом попросила Аглая и поморщилась, представив, как долго и тщательно будет выполняться эта маленькая просьба...

...Она лежала в плотной пене, заломив в локте левую руку и свесив ее за фаянсовый край ванны. Ручейки пота все быстрее бежали по влажной груди, обтекая тяжелый серебряный талисман с бирюзой. На квадрате кафеля растекалась лужица. Контур ее...

– Какой странный контур! – удивилась женщина. – Он напоминает... старинный герб. Да, очень напоминает. А вот и лилия... Как четко она видна!

Аглая рассматривала белые лепестки, их изгибы... и все больше теряла силы. Усталость одолевала ее.

– Если бы прямо сейчас, не делая никаких усилий, очутиться в постели! Немедленно! – появившееся желание ничего общего не имело с изысканной символикой на полу в ванной комнате... – И чтоб никаких Аликов в моей жизни больше бы не было!

Выдернув пробку из сливного отверстия, она в который раз, с тех пор как нечаянно переспала с жильцом, подумала:

– Надо сказать, чтоб искал себе другую квартиру.

* * *

Вульф, не сводя глаз, следил за длинной резной стрелкой больших напольных часов работы немецких мастеров конца 16-го века. Куплены они были у одной полунищей и почти безумной старухи с год назад.

Старуха плохо понимала и плохо помнила, какие деньги сейчас в ходу в Израиле, обмануть ее ничего не стоило, но Вульф почему-то поостерегся обманывать это существо. Впрочем, часы и так продавались за бесценок...

– Шекели, шекели, шекели, – все повторяла старуха, обнюхивая купюры.

Ее заболоченные возрастом глаза мутнели.

– Шекели... – раскачивалась из стороны в сторону старуха, монотонно бубня заклинанье. – Тысяча шекелей... А день-

ков еще меньше тебе осталось, любезный... Не жилец ты, голубчик, не жилец! Долго не протянешь. ...А денежки мои с собой заберу, в саван спрячу, откуплюсь. Ишь, уставились, наглые! Изыдите! И ты убирайся вместе с ними, муженек покойный, нечего подглядывать! Кыш!

Старуха начала мелко плевать прямо перед собой и дергать ногами в шелковых, с желтыми слониками, штанах. Гость сделал знак грузчикам и вышел из пропахшей бредом квартиры.

...Когда стремительная, идеально созданная для полетов по кругам Времени минутная стрелка наконец-то настигла бочонок часовой, Вульф резко встал с кресла, подошел к бюро, достал из верхнего ящичка сигару, чиркнул спичкой, затянулся и подошел к окну.

Красный дракон солнца, медленно покрываясь серебристой чешуей волн, исчез в логове средиземноморской бездны.

– Ты будешь моей, Аглая. Так надо, – сказал Вульф задумчиво, словно что-то еще взвешивая, и задвинул плотную штору.

* * *

Аглая услышала, как кошка скребется в окно, пытаясь пробраться в дом, но сознание ее еще блуждало среди гри-

фельно-черных скал. Она видела – отчетливо – как карабкается по этим скалам. Чувствовала на себе чей-то взгляд. Скорбный... Да, скорбный взгляд... Женский... Он предупредал о чем-то...

Однако сонные образы быстро теряли власть над реальностью.

– Бася! Заткнись! – крикнула наконец Аглая, спустив ноги с кровати.

В тот же миг ее подбросило и швырнуло обратно в горячие простыни. Навзничь. На секунду стерлись все ощущения, кроме одного: мощный поток несет ее по лабиринту, стены которого испещрены орнаментами. Яркие ковровые узоры извиваются в долгом ритуальном танце, затягиваются петлями вокруг летящей фигурки... И вдруг исчезают. Стеклопустота в лабиринте. Беззвучие. И в конце его, вдалеке – плывущая в облаках табачного дыма мужская красивая голова. Почему-то – в профиль...

Аглая пошевелилась, открыла глаза. Виденье стало ярче и как бы приблизилось. Резко очерченная ноздря, темный свод глаза... Лицо смутно знакомо, видно где-то, когда-то... Она осторожно перевернулась на бок...

И снова очутилась среди безлюдных скал, одна-одиношенька...

...Стоя посреди кухни – невыспавшаяся, в стоптанных тапочках – Аглая пыталась расшифровать утреннюю полуявь.

Ничего не получалось.

Сипло замяукала кошка, завертелась под ногами. Аглая насыпала корма, налила воды в блюдечко. Трижды прокрутившись между ногами хозяйки, Бася с остервенением принялась грызть сухие звездочки.

– Наваждение какое-то! Что за скалы?! Удавки пляшущие, голова без туловища, глаза без лица! Как это все понять?! – гадала тем временем женщина, все больше и больше чувствуя незримую угрозу. – Что значил этот взгляд... скорбный?! Что?! И на какой шабаш я сама неслась... даже помело не прихватив?!

Ниспосланное свыше никак не поддавались разумному толкованию. Тогда Аглая решила объяснить все значительно проще – играми собственного подсознания.

– Сдохнуть можно! – почти развеселилась она, припоминая фрейдистскую концепцию сновидений. – Во сне ползаю по фаллическим символам, наяву... Наяву трахаюсь с кем ни попадя! Что было вчера – не помню.

А что было вчера?!

– Водки, что ли, выпить, – решила, вдруг чего-то испугавшись, Аглая.

Но тут же передумала.

* * *

– Аглаюшка, милая, ты меня совсем бросила, – заворковал Юрчик, едва заслышав ее голос в телефонной трубке.

– Это ты меня бросил, – протянула она. – Хочешь, приеду?

– Нет, не хочу! – хохотнул он.

– Тогда жди. Скоро буду.

– Ага.

Быстро – холодный душ, горячая струя фена...

Тушь... Помада... Глаза заблестели...

Что надеть? Белое платье? Годится! Утюг! Где утюг? Хорошо, сойдет и это. Босоножки... Вот они! Все, готова!

Сделав последний вираж по квартире и уже взявшись за ручку двери, Аглая на секунду замешкалась. Пытаясь припомнить, что забыла, она обернулась. И тут же за спиной услышала, что кто-то поворачивает ключ в замке.

– Алик?! – возмутилась она. – С какой стати так рано!

С вызовом посмотрела на дверь. Та, закованная в железные латы дверного проема, взирала на нее безучастно.

– Кажется, слуховые галлюцинации начинаются, – Аглая резко распахнула дверь.

Конечно же, никого...

Обругав себя за мнительность, свалив все на расшатанные

вчерашним иерусалимским приключением нервы, она двинулась к стоянке, на ходу рукой взлохмачивая легкие волосы.

* * *

– Лапонька, ты так быстро добралась, – Юрчик потянулся к ней, чтоб поцеловать, но тут же озаботился: – Ты чего такая невеселая?

– Голодная. Кормить будешь?

– Спрашиваешь! – обрадовался он и засуетился у плиты, заворочал чугунными сковородками.

– Как дедок-то твой поживает? Еще концы не отдал? – вспомнил он почему-то.

– Жив, – ответила Аглая и, подумав, добавила: – Он... странный какой-то, этот Старик. Жуткий... Я все время настороже. Не боюсь его, но... Что-то не то происходит. Особенно в последние дни.

– Со всеми, лапонька надо настороже быть. Ушко-то востро держать надо. Обведут вокруг пальца – и пикнуть не успеешь! – философски заключил хозяин.

– Но он платит, и – хорошо платит, – парировала Аглая. – А на днях сказал, что я даже не представляю, что для него значу.

– Я тебе, милая, то же самое без конца твержу. Только ты мне не веришь. Цены тебе нет, Аглаю шка.

Юрчик оглянулся. Свет, сжавшийся в точку возле зрач-

ков, остро полоснул гостью. Она поежилась и продолжила:

– Знаешь, за все время, что работаю там, я даже инвалидную коляску его ни разу не двинула... Все служанки делают... Сижу, Гете читаю... Два раза в неделю по два часа... высокая поэзия входит в дом моей жизни... и уносит к сияющим вершинам небесного Санктума....

Нарисовав в воздухе рукой замысловатую спираль, она добавила патетически:

– О!.. Скользя по разверзающимся безднам духовного... погружаясь в вихревые потоки сверхчеловеческого разума... имею с этого... нехилый заработок на хлеб насущный.

– Да что ты говоришь, лапочка! – на лице стоящего вплотную к ней Юрчика блуждало благодушно-радостное выражение. – Тебе помидорчиков нарезать?

Она кивнула, налила джина в стакан, плеснула немного тоника, отпила глоток. И заплакала.

Кто-то почти бесшумно приоткрыл входную дверь. Размазав слезы по щекам, Аглая обернулась...

– Чего ты опять человека обидел! – выкладывая на стол пакеты со снедью, напустилась на Юрку супруга.

– Да я ничего, и слова не сказал! А она как тяпнула стакан без меня, так сразу в слезы... Аглаюшка, ну ты чего!

– Наденька! Он меня голодной смертью уморить хочет, – притворно закапризничала Аглая.

– Юрка, да пошевеливайся ты, наконец! – рассердилась на

мужа хозяйка.

– Все я да я! – в ответ беззлобно заворчал тот, распахивая продукты по холодильнику. – Надюша, джинчику тебе налить?

– Я пиво буду, – донесся из ванной голос. – Включи новости. Опять, говорят, теракт был.

Юрчик мощно напряг плечи, сцепил руки на груди. Взгляд его стал желто-звериным.

– Что, не видели, как кишки по мостовой расползаются? На оторванные бошки желаете полюбоваться? Не дождетесь! Мусик, я не буду включать телевизор! – заорал он через голову гостыи.

Шмякнув дымящееся варево в глубокую тарелку, Юрчик хлебнул джина прямо из бутылки, тыльной стороной ладони вытер рот, передернул плечами. И сразу как-то обмяк.

Аглая наблюдала за ним. Она прекрасно знала, что значат столь резкие перепады в настроении друга: болезнь опять одолевала бедную его душу.

– Юрчик, я хотела тебе рассказать что-то. Можно? – спросила она, с трудом отогнав от себя воспоминания о том времени, когда Юрчик был здоров. Сколько тогда возле него всякого люду интересного кружилось, сколько друзей было...

– Ну что ты мне можешь рассказать, милая, – по инерции зло отреагировал тот, но тут же освобождено засмеялся. – Расскажи, конечно, расскажи, я так люблю твои глупости...

– Я вчера... была... в Иерусалиме, – начала она.

– И познакомилась с очередным мудаком, – тут же перебил хозяин.

Аглая пригубила прозрачную, пузырящуюся от тоника жидкость. В нос неприятно ударило запахом боли и отчаянья.

– Ты что мне подсунул! – завопила она.

– Опять человека обижаешь! – вернувшаяся Наденька включила телевизор.

Юрчик задумчиво поскреб жесткую бороду, махнул рукой и принялся варить кофе.

Через час, выйдя проводить гостью, он нацепил новые шлепанцы на пробковой подошве. Идти было неудобно, и по причине этой Юрчик чертыхался на чем свет стоит ежесекундно.

– С тобой стыдно рядом идти, – подтрунила над ним Аглая.

– Зато тебя, лапонька, такое счастье провожать. Приехала, покушала вкусненько, поплакала и уехала. Жди теперь тебя целую неделю!

* * *

Дорога была недоброй. Аглая то и дело уворачивалась от машин, норовящих ее подрезать. Потели руки, рябило в глазах, светофоры в упор глядели на женщину за рулем и не давали двигаться. За спиной беспрестанно сигналили.

* * *

Вульф медленно наливал тягучее вино в бокал цветного стекла. Горящая рубиновым цветом жидкость источала сладостно-отравный аромат.

– Ты нужна мне... – мысленно обращался он к той, что ехала сейчас по перегруженной тель-авивской улице Бней-Егуда. – Одна ты – и никто другой... Никто...

* * *

Свернув на узкую боковую улочку, Аглая чуть не врезалась в желтый «Фольксваген», за рулем которого сидел горбоносый красавец-сабра. Резко затормозила и остановилась. Сабра покинул автомобиль, не спеша приблизился к Аглае. Его продолговатые глаза – две сомнамбулы – тускло смотрели на растерявшуюся женщину...

– Все в порядке? – спросила Аглая.

Голова на гибкой шее качнулась, толстая рыбина губ чуть дрогнула.

– Я доставлю тебе удовольствие. Поехали, – шепнула эта фиолетовая рыбина.

– Найди себе кого-нибудь помоложе! – с досадой ответила Аглая.

– Помоложе меня не интересуют... Ты мне понравилась...
Поехали.

* * *

– У нас мало времени, – постукивая перстнем по подлокотнику кресла, продолжал говорить Вульф.

– Каменная не ждет. Она уже дала знак. И только ты можешь что-то изменить. Ты будешь моей, Аглая.

* * *

– С ума сегодня все походили! – еле успев увернуться от невесть откуда вынырнувшего палевого «Мерседеса», возмутилась Аглая и нелогично добавила про себя: – как на верблюдах по пустыне едут – куда ни попадя!

И лишь спустя мгновение поняла, что автомобиль этот был миражем. Он двигался навстречу, летел на скорости неотвратимой беды. И – исчез... Его фары были похожи на скорбные глаза женщины из сна.

Ночные фантазии

Измотанная дорогой, занявшей в три раза больше времени против обычного, Аглая наконец-то добралась до дома. На ее стоянке торчал чей-то чумазый драндулет. Женщина замерла. Нет! Нет, нет, нет. Нормальный, желтого цвета номер. Израильский. Почему-то он показался черным, арабским – могильной ямой с белой датой конца. Здесь нет палестинцев!

Сделав два круга по нелепым улочкам с односторонним движением, она припарковала машину у ближайшей овощной лавки и под кипятильником ненормального солнца поплелась домой.

На столе стояли намытые Аликом фрукты, под салфеткой – купленные им же миндальные пирожные.

– Интересно, что он рассчитывает за все это получить? – хмуро подумала Аглая и, не притронувшись к угощению, пошла прикорнуть. На полпути в спальню ее остановил телефонный звонок.

– Эглая, – услышала она свое имя.

Звонил Старик, у которого она работала сиделкой несмотря на то, что две у него уже были: Фаруда – сухая выжженная ливийка, быстроглазая и неприветливая, и абсолютно беспрекословная девочка-филлиппинка, выполняющая всю грязную работу по обслуживанию полупарализованного, аб-

солютно немощного, но цепкого и ясного умом человека.

Звонил Старик, по чьей просьбе она вчера поехала в Иерусалим и там угодила – уже по собственной дури! – *в этот ад... во временную расщелину... в страшное место, где гнев Господний истреблял грешную плоть человеческую.*

– Я вас внимательно слушаю. Нужна моя помощь? – собранно ответила она.

– Эглая, – гортанно коверкая ее имя, повторил Старик. – Письмо все еще у тебя? Хорошо... Самолет моего... родственника... – Старик сухо кашлянул. – Родственник не прилетел вчера. Он прилетел сегодня. Обстоятельства... Можешь ты завтра прийти ко мне? Время – обычное...

Старик не обращался к ней прежде с подобными просьбами.

– Конечно, могу. Я обязательно буду.

– Письмо вернешь, – раздалось в трубке, и пошел отбой.

Аглая не могла понять, почему ее так взволновала просьба Старика. Но – взволновала.

В раздрызганную картину последних двух дней этот звонок добавил какой-то странный тон. Он был значим. Безусловно! Он высвечивал что-то... важное?.. как на невидимом аркане притягивал... Что!?

– Какой завтра день?!

Аглая запуталась во времени, в своих ощущениях, алогичностях и сюжетных ходах событий последнего времени.

– Дура! – обозвала себя Аглая за безрезультатные попыт-

ки разобраться в собственных подозрениях. – Деньги тебе платят за просто так! Правильно? Правильно! Гете она, видите ли, в оригинале умирающему читает! Это работа? Это стоит столько, сколько ты получаешь? Кинули тебе кусочек сыра... Бесплатного... Но если допустить, что все просто... Просто кто-то не прилетел...

...Механически помешивая ложечкой чай, куда так и не положила сахар, она пыталась вспомнить – во всех подробностях – *когда в действительности начались странности.*

Ведь не сегодня оке?

И – не вчера....

Кто принес ей эту газету с объявлением, именно тогда, когда муж, столь неожиданно получивший приглашение на работу – годовой контракт! – из «MICROSOFT», уехал в Америку?

То, что подозрительно быстро оформлялись документы, словно их кто заговорил, объяснить можно: повезло. Но газетка-то откуда взялась? Ведь она появилась именно в тот день, когда муж уехал.

Точно! Аглая вернулась из аэропорта... Зашла в вылизанный, вычищенный еще накануне от всякого рекламно-газетного хлама дом... Тут же позвонила Соня, мужнина тетка... Аглая ей сообщила, что самолет улетел вовремя... Снова самолет!.. Тетушка со вздохами, паузами и чистой воды вампиризмом принялась рассказывать о «мерзавках-служащих» из службы Национального страхования, ругать своего мужа

– «остолопа, купившего курей замороженных на шекель дороже, чем на рынке продают...» Уставшая Аглая присела у журнального столика... На пятой тетушкиной болезни – провалилась она пропадом! – взяла в руки эту самую газету... Задаваясь одновременно двумя вопросами: о каких именно паразитах – то ли тараканах, то ли религиозных тетушкиных соседях идет речь; и откуда на столике оказалась «толстушка», Аглая от скуки начала медленно листать страницы.

– К сожалению, Софья Соломоновна, мне надо убежать, – сказала она, наткнувшись на это странное объявление...

...Очень странное объявление...

– Куда?! – чуть не захлебнувшись на полуслове от возмущенья, спросила тетушка.

– Потом объясню, – несчастная жертва родственного террора с превеликим удовольствием надавила рычажок телефонной трубки.

НА РОЛЬ ШЕХЕРЕЗАДЫ
ПРИГЛАШАЮ МОЛОДУЮ КРАСИВУЮ
ЖЕНЩИНУ.

БЛЕСТЯЩЕЕ ЗНАНИЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
ОБЯЗАТЕЛЬНО.

«Старый маразматик» – мгновенно определила возраст подателя объявления Аглая. Потом засомневалась и свое бессознательное первое ощущение по этому поводу многожды опровергала. Версия, что это дурное объявление – розыгрыш, казалась ей более вероятной.

Был еще вариант: какой-то ушлый малый желает поснимать сливки из-под трусиков молоденьких легковерных дуручек.

Но при чем здесь блестящее знание немецкого!

Пахнувшие дешевым фарсом, типографской краской и, почему-то, опасностью, эти рекламные строчки день ото дня все больше места занимали в голове женщины. Из черных цепочек газетных буковок каким-то непостижимым образом в ее воображении складывались мозаики и живописались картины – ни на что виденное ранее не похожие.

Буйный цветистый Восток с его караванами и шелками все явственнее накладывался – как луна на карту – на холодные готические соборы Германии, накрывая их нежно-скользящими шюлями ночей. Или наоборот. Готика острыми шпильями пронзала библейские, бездыханные от солнца пейзажи. Тусклые и по-иезуитски беспощадные.

Ароматы тоже путались. Едкий запах костровинквизиции мешался то с солнечно-пыльным, то с тяжело-влажным средиземноморским ветром, гуляющим по дворцам эстотских властителей. Древних, как их языческие боги.

...Бой часов плыл вверх всей этой мешанины...

По ночам Аглая, совершенно выбитая из колеи, не могла заснуть. И тогда она перед зеркалом усаживалась в позе восточной наложницы, накидывая на себя – по очереди – стру-

ящиеся легкие ткани, которых в ее гардеробе было не так-то и много. В конце концов, из золотистой туники она смастерила лиф, нашла на него старые бусины, из остатков ткани приладилась соорудить чалму. Сиреневый газовый шарф служил в этом наряде Шехерезады шароварами. Стекая сладостно-порочными складками к коленкам, он, увы, никак не дотягивался до тонких щиколоток, и тогда Аглая наклонила зеркало под таким углом, что изъян этот просто-напросто исчез.

Иная женщина – не Аглая – и иная реальность – не нынешняя – жила в тусклом зеркале по ночам целую вечность – неделю, на исходе которой и было принято решение – позвонить немедленно!

На третьем гудке на том конце провода подняли трубку. Липкий холодок, пробегающий по спине последние полчаса, резко усилился и стремительно переместился в живот. Оглушенная странным предчувствием, Аглая изо всей силы вдавила рычаг в телефонный аппарат.

Сердце заколачивало сваи в мерзлую стену груди.

Она отодвинула телефон от себя, подошла к окну, долго пыталась сложенной газеткой прибить тупо бьющуюся о стекло муху. Та, наконец, сделала резкий зигзаг в воздухе и вырвалась из стеклянного плена на волю через распахнутую половинку окна. Аглая вернулась в холл. Жужжание так и не убитого ею насекомого висело в воздухе. Или это был иной

звук? Он был летним, полуденным... напоминающим что-то далекое-далекое, забытое...

Решительно набрав номер телефона, Аглая услышала короткие гудки. Занято.

– Еще одна Шехерезада выискалась, не иначе, – сказала сама себе надменно Аглая.

Зацепив себя за самое больное – самолюбие, она успокоилась окончательно, тщательно свернула газету, бросила ее в мусорное ведро...

Спустя полчаса еще раз набрала ввевшийся в память номер.

...Как давно это было! Месяц назад? Два? В голове все смешалось...

– Алло, – услышала она сухой голос и непривычное разбиение на слоги.

– Алло, – еще раз поскребся к ней в ухо голос.

– Здравствуйте, – сказала Аглая, – я по объявлению.

– Алло? – в третий раз царапнул ее голос из трубки.

– Я по объявлению, – с напором сказала Аглая.

– Мне недавно в руки попала газета, – еще более громко произнесла женщина заготовленную ложь и извинилась, что, может быть, звонит слишком поздно и беспокоит зря.

– Хорошо, – услышала она.

Не совсем поняв, что означает это безынтонационное «хо-

рошо», она продолжила торопливо:

– Вам требуется молодая женщина, знающая в совершенстве немецкий язык... Мне тридцать восемь лет. Я замужем. Закончила Романо-германское отделение Московского университета. Много лет работала переводчиком. В Германии была неоднократно.

Она задумалась, что бы еще добавить.

– Хорошо, – нисколько не оживляясь, повторил голос.

Аглая рассердилась. Вытащила из сумочки маленькое зеркальце, поднесла его к лицу и, наблюдая, как у отражения глаза становятся все более яркими и негодующими, холодно спросила:

– Что – хорошо?

– Хорошо, что ты позвонила.

– Идиотка, – про себя назвала свое отражение Аглая, а вслух незамедлительно спросила:

– Вы намерены нанять женщину на тысячу и одну ночь? Говорить на немецком ей нужно будет в постели?

– ...Надо будет... два раза в неделю... в вечерние часы... читать мне литературу... в оригинале.... И, по мере надобности... – в голосе появились сиплые нотки – писать деловые письма... моим партнерам и, одновременно, друзьям... в Германию... Я жду тебя завтра в восемнадцать часов по адресу... Записывай.

Аглая покорно взяла ручку.

– Повтори! – скомандовал Старик.

Она повторила.

– До встречи. Не опаздывай, – еще более повелительно сказал человек.

С того часа обыденная Аглаина жизнь была переведена в какое-то иное временное измерение...

Голос из ниоткуда

Аглая с силой, чего раньше никогда не делала хлопнула крышкой стиральной машины.

– Муж не звонит, вчера чуть не вляпалась в какое-то дерьмо... А может и вляпалась... Сейчас явится Алик из магазина, и я буду вынуждена слушать, что молоко в синем пакете – трехпроцентной жирности – мое – будет стоять на верхней полке, а однопроцентное – его – на нижней. Потом все равно все забуду... Какие-то полки, ковры, магазины, жильцы, письма, Мефистофели с фаустами и... эта сволочь из муниципалитета! Ну что его дернуло именно на ту улицу с проверкой сунуться, где я припарковалась! Теперь штраф плати!

Подведя печальный итог своей жизни, Аглая уселась на краешек бачка для грязного белья. Руки ее чуть подрагивали, скрытое глубоко в мышцах напряжение криво и уродливо перекашивало что-то внутри. Глаза тускнели и стыли.

Она думала о позавчерашней поездке в Иерусалим.

Подцепив тонко-призрачную ниточку из спутанного клубка воспоминаний, стараясь снова не заблудиться во вчера, Аглая пошла дорогой логики. Попыталась пойти.

Почему она поехала в Иерусалим?

Потому что там была назначена встреча.

Встреча была назначена ровно неделю назад, во вторник.

Так, это был действительно вторник, а не четверг. Семнадцатое число. Нет, восемнадцатое.

Она уходила от Старика, уже попрощалась... У самого порога комнаты он остановил ее своим карканьем. Сказал же буквально следующее: «Я попрошу тебя, Эглая, об одном деле. Оно очень важное. Твои труды я оплачу». Аглая стояла, полуобернувшись, и ждала.

Старик молчал, перебирая четки парафиновой рукой с синими веревками вен. Он перебирал каменные четки своей полумертвой рукой и не смотрел на помощницу.

Да, он смотрел не на нее, а на письменный стол, чем-то напоминающий бильярдный. Она, Аглая, перевела взгляд на лежащие там бумаги и осторожно подошла поближе.

...Поверх коричневой кожаной папки с тиснением, в которой содержалась переписка с бароном фон Либенштайном, постоянным сокорреспондентом Старика, лежал конверт.

Был ли конверт, когда Аглая пришла на работу? Бог его знает! Но кажется, что нет.

В какой-то момент в комнату приходила эта высохшая слива – Фаруда. Может быть, она принесла его? Может быть. Аглая не видела. Она старалась никогда не смотреть на старшую служанку – и не смотрела: не приведи Господь встретиться с этой ливийкой взглядом...

Пауза – когтистая лапа зверя – зависла в воздухе.

Наконец Старик часто и хрипло задышал. Голова его уперлась в грудь. Аглая метнулась к колокольчику, уже

схватила его, еще раз глянула на хозяина. Тот прозрачно посмотрел на нее и поднял указательный палец. Еле шевельнул им. Аглая поняла: служанку звать не надо. В памяти внезапно заворочалась фраза из «Фауста», продиктованная час назад Стариком, и каллиграфически выведенная ею на дорогой бумаге. Эта фраза служила ответом на последнее послание барона фон Либенштайна.

«Здесь даже воздух чарами кишит, и этих чар никто не избежит...» – магическое кружение фразы все усиливалось...

Старик и его сокорреспондент, очевидно, такая же мумия в плеле, ей-Богу, играли в какие-то странные игры друг с другом. И она в этом участвовала. Именно она еженедельно записывала за Стариком одну-единственную фразу из Гете, вкладывала лист в конверт и отправляла послание почтой. Это была ее обязанность.

В ответ, тоже еженедельно, из убийственно дисциплинированной Германии, полной шпилей, старых грехов и розовых колбас, приходило столь же странное сообщение. Ни слов приветствия, ни слов прощания. Только гербовая печать, число и маловразумительная цитата. Как правило, тоже из «Фауста».

– Я прошу тебя, Эглая, не опаздывай, – сказал Старик наконец, сообщив, что такого-то числа, во столько-то часов ей следует быть в таком-то месте, в Иерусалиме.

Там она должна передать это письмо.

Кому Аглая не спросила, поняв, что Старик умышленно

не говорит этого. Она старалась никогда ничего не спрашивать здесь, приняв четкий сигнал на подсознательном уровне – ни во что не вмешиваться. И не вмешивалась, следуя голосу интуиции, которая ее практически не подводила.

Итак, что-то в этой завязке, в этой предыстории иерусалимской поездки, по-настоящему смущало Аглаю... Что-то не стыковалось. Что? Она припомнила все до мельчайших деталей: как уже уходила, и Старик окликнул ее; попросил выполнить поручение, долго молчал... Ну и что? Паузы не были чужды его речи, отнюдь...

Здесь все чисто. Единственное, за что можно было зацепиться... Но это маловероятно... Кто писал письмо, которое она должна была отвезти в Иерусалим? Не Фаруда же! И не филиппинка...

– Дед нашел себе еще одну Шехерезаду! – съязвила она. – Не такую чопорную и прикрытую во всех местах, как нынешняя!

Версия тут же была отмечена за непригодностью. Ибо домысел никоим образом не объяснял того, что с ней случилось в Иерусалиме.

– Дальше... – Аглая потянула ниточку из клубка воспоминаний. – Что же было дальше?

Незнакомец на встречу не явился.

Ну и что!

Мало ли в жизни нестыковок.

Под обстрел попал, скажем, или – в теракт...

Ах, да, самолет не прибыл! Как она забыла об этом! Старик же сказал: «Он не прилетел вчера, он прилетел сегодня».

Но почему она узнала об этом только сейчас? Почему ей не позвонили раньше?

Аглая устало провела ладонью по лицу и сама себе вслух сказала, внятно произнося каждое слово:

– Меня никто... силой... не тянул в этот подвал... полный роскоши! Сама пошла, еще и рада была. При чем здесь Старик! Он вообще ни рукой... ни ногой... без посторонней помощи! ...двинуть не может. Хватит придумывать!!!

Она встала с бельевого бака. И чуть не повалилась на пол: затекшие ноги не держали. Пока она их растирала, и Старика, и подвал, завешанный коврами и тайнами, и сам Иерусалим смыло из мозаичного мира полуяви.

Стиральная машина вошла в фазу интенсивного воя и высоса остатков влаги из нежного женского бельишка. Простонав на стадии финала, наконец, самообесточилась, и, бездыханная, сладостно замерла.

Аглая длинными пальчиками нажала все нужные кнопки, открыла крышку, раскрыла барабан, и, достав первым тот самый шарф, в котором по ночам играла в восточную чародейницу, вдруг услышала явственный, довольно низкий и фатальный голос.

– *Теперь ты моя*, – сказал этот незнакомый сильный голос из ниоткуда.

Вернее, не из ниоткуда, а из правого потолочного угла уз-

кого технического балкона.

Аглая даже посмотрела туда, откуда раздались слова. Естественно, на потолке, кроме паутинок и небольшого круглого пятна отсыревшей штукатурки, ничего не было.

Она раздвинула жалюзи. Многослойный горячий пирог уличных трезвонов с маху влетел в душное помещение. Отходы чужого житья лезли в открытое окно нагло, как рыжие тараканы. В доме напротив мать орала на плачущего ребенка... В истошном требовательном крике заходился чей-то муж...

Аглая высунулась в окно и посмотрела вниз: там никого не было, во всяком случае, способного членораздельно говорить. Только кошка, ее серая Бася, в воинственной позе, вонзаясь взглядом в какую-то точку рядом с хозяйкиным плечом, стояла на пне спиленного на днях дерева, готовая растерзать воздух. Аглая глянула вверх... Никого.

– Будем считать, что послышалось, – решила она, прекрасно осознавая, что считать так не будет никогда.

В дверь вежливо поскреблись.

– Тебе помочь развесить белье?

Тембр голоса жильца никак не походил на тот, что скальпировал Аглае затылок.

– Спасибо, Алик, я сама справлюсь, – приоткрыв дверь, сказала Аглая. – Мне не тяжело.

...Когда ночь, сытая от съеденного дня, томно растяну-

лась на крышах домов, пушистыми лапами доставая до земли, Аглая все же задремала. На переброшенной из изголовья в ноги подушке, лицом вниз, подложив под грудь сцепленные вместе кулаки, она молча ушла из этого будничного сентябрьского дня, так ничего и, не поняв, ни до чего не докопавшись.

Встреча

Аглая переступила порог полной закоулков, зеркальных отражений и антикварных вещей квартиры в старом Яффо. Шурша кожей, браслетами, юбками и мыслями, мимо просквозила ливийка Фаруда. Аглая проводила ее взглядом и быстро прошла длинным коридором в кабинет. Упершись в бледно зеленеющие булыжники глаз Старика, она сдержанно поздоровалась.

Старик был не один. Он сидел лицом к двери, вместо пледа его ноги были покрыты сегодня бежевого шелка одеялом. Его собеседника из-за раструба напротив поставленного кресла Аглая рассмотреть не могла.

Она подошла, встала рядом с незнакомцем, ожидая дальнейших указаний. Упавшими в мешки морщин глазами Старик с трудом указал ей на резной стул. Она присела на самый краешек его, почему-то боясь даже глянуть на незнакомца.

– Эглая, познакомься. Это мой племянник, Вульф. Он живет в Германии. – Старик долго собирал слюну и, с трудом сглотнув ее, продолжил. – Он в Израиле будет находиться... некоторое время... месяц, может быть... По делам нашего семейного бизнеса...

– Так у Старика есть бизнес!?! Интересно! – удивилась Аглая, но удивление, конечно же, на ее лице никак не отпечаталось.

Она продолжала сосредоточенно слушать.

Старик, сделав две-три паузы, в очень скупых и неокрашенных словах объяснил ей многое.

Итак, что будет.

Во-первых, Вульф в ее рабочие часы будет присутствовать в кабинете. Зачем – непонятно, но Бог с ним, не это важно. Важно то, что она должна будет провести с этим молодым иностранцем несколько дней. Два, три, четыре, десять – сколько понадобится. Точные инструкции – где и когда, последуют позже. Работа будет оплачена щедро.

Чего не будет?

Об этом не говорилось. Но Аглая абсолютно четко усвоила, что под словом «день» имелся в виду действительно день, а не ночь. Что платить ей будут за работу, а не за услуги, которые она, как всякая порядочная женщина, всю жизнь оказывала безвозмездно, невзирая на финансовые и прочие возможности некоторых лежавших рядом мужчин. Движимая разными мотивами, обуреваемая крайними чувствами и подталкиваемая всеми возможными и даже абсолютно невозможными для порядочной женщины состояниями, она ни разу не вписала в свиток своей виновности – продажность...

Итак, ей предложено стать женщиной по сопровождению, без оказания интимных услуг. Так, кажется, пишут в объявлениях? Вполне приемлемое предложение...

...Объясняя условия, Старик смотрел на нее своими неми-

гающими, цвета виноградной кожуры с косточками-зрачками посредине, глазами. Но Аглая практически не двигалась. Спросив, наконец, согласна ли она, и получив это согласие, он перевел взгляд на гостя.

Тот встал, умело прихватил бутылку салфеткой, налил красного вина в пустой бокал, стоящий на столе, подал его Аглае. Она, в свою очередь, улыбнулась улыбкой под номером 26, посмотрела нежным взглядом с тем же порядковым номером и – оторопела.

Она – никогда – не видела – этого – человека. Никогда!

Какого же черта она сидела столько времени рядом с ним и знала – *что знает его*. Она чувствовала кожей, кишками, ворсинками в носу – что знает его. И с каких пор – тоже.

С позавчера. С поездки в Иерусалим.

Она пригубила вина и, подавляемая собственным воспитанием, не сделала того, что ей сейчас больше всего хотелось: залпом выпить это роскошный напиток. Залпом! Чтоб сразу, в ту же минуту ... через тонкие загородочки... через мелкие сосудики... по живым путям-дорожкам... вместе с напитанной памятью кровью.... вино побежало бы к этим серым, несносным, собранным в кучу извилинам. Залпом! Чтоб в ту же минуту снова обрести свое знание и не верить собственным глазам.

Она была уверена, что знает этого человека.

Она сделала еще один крохотный глоток и поставила бо-

кал.

– Эглая, на сегодня ты свободна, – сказал Старик и продолжил, – Вульф найдет тебя. Постарайся не отлучаться... далеко...

Она встала, осторожно повернулась на каблуках, застревающих в мягком ковре. До боли прямая пошла к выходу, почему-то очень боясь упасть.

– До встречи! – услышала она ноющим со вчера затылком *фатально-знакомый низкий голос.*

...ОГОНЬ из иерусалимского провала памяти, метнувшись многоруким дымящимся столбом, схватил ее за локти.

Она ускорила шаг.

За спиной, раскалывая каменную оболочку земли на огромные, шипящие от жара бульбжники, растаскивая на части по подвалам преисподней человеческие тела, бушевала страшная внутренняя сила земли – обезумевши и озверевши. Потoki воя неслись к блеклым небесам.

Аглая схватилась одной рукой за горло, в котором застрял едкий дым, другой – за талисман, висящий на груди. Талисман этот, сделанный ее любимым Юрчиком специально для нее, и только для нее, она не снимала никогда.

Густая смола черным вороном летела ей вслед, кожа на ступнях волдырилась и сползала с подпаленного мяса.

Аглая дернула на себя дверную ручку, контур которой едва различила, распахнула дверь и упала на острые камни глаз Фаруды.

* * *

Средиземное море тихонечко пело вечернюю песню маленьким рыбкам, дремавшим в своих соленых колыбельках. Аглая стояла на берегу, босая, потерянная, заплаканная. Потом села прямо в воду.

Прошел, может быть, час.

Она с трудом поднялась, стащила мокрое платье, выжала подол, дошла до одиноко торчащего зонтика, повесила платье на перекладину. Оглянувшись, сняла и трусики.

Вдалеке послышались голоса. Аглая насторожилась. Голоса приблизились. Мужские... И один, кажется, женский... Подтянув живот и сцепив руки за спиной, она встала в позу Венеры Милосской. Приближающиеся голосаобреликонтур... Формы... Так и есть – двое мужчин и женщина...

Женщина шла впереди, дымя сигаретой и хрипло что-то доказывая семенящему рядом с ней спутнику. Второй был помассивнее своего товарища и шел чуть поодаль от связанной мелкой разборкой парочки.

– Любимый! – нежно позвала его Аглая.

Мужчина повернул голову на голос. Аглая услышала, как он жадно сглотнул слюну. Сама же она стояла недвижимо,

устремя полный света и нежности взгляд на тускло поблескивающее море.

– Ицхак! Сюда! – зычногласо дернула его за незримый поводок женщина.

Засунув руки в карманы и словно бы ища там что-то, «любимый» торопливо покинул музей под открытым небом, озираясь испуганно время от времени.

Двигаясь предельно осторожно и на самой низкой скорости, но при этом дважды проскочив нечаянно на красный свет, Аглая наконец-то оказалась дома.

Следы жизнедеятельности ее верного Алика были повсюду. Хозяйка заглянула в раковину. Маленькая рюмка, ее любимая вилка, какая-то слизь...

Она открыла шкафчик. Бутылка водки наполовину пуста. Так.

Наскоро сполоснувшись, Аглая на цыпочках прошла в спальню, не включая свет, легла.

Голова кружилась от усталости и боли, растекшейся под черепом как медуза. Владелица головы тоже напоминала себе медузу – полудохлую Медузу Горгону.

Среди ночи она проснулась оттого, что чувствовала – надо проснуться. Резко подняв голову с подушки и сильно трянув ею, она увидела Нечто.

Вернее – это был Некто. Еще вернее – Алик.

Голый, с густо намазанными на узкую грудь и впалый жи-

вот волосами, он страшно смотрел на нее и мычал, как корова перед закланием – устрашающе-обреченно. Его худенький член торчал как бледный пророст из весенней картошки, и, казалось, рос на глазах.

Аглая чуть не подавилась от смеха.

– Сдурел, что ли? – спросила она.

– Я хочу тебя, – объявил Алик торжественно.

– Вижу, – ответила Аглая. – Ну и что?

– Ты будешь моя. – Алик пошатнулся.

Аглая судорожно зевнула, по привычке прикрыв рот ладонью. Потерла виски, встала, подошла вплотную к все отступающему одноразовому любовнику. Тот, прикрывая быстро сворачивающийся отросток, отступал. Аглая одной рукой открыла дверь, другой вытянула длинный пояс из висящего на двери халата.

– Аглая, я... хочу... тебя, – часто и жалобно дыша, поднывал жилец.

– Скотина! – заорала Аглая. – И из-за этого дерьма ты меня разбудил!

Алик насупился и, кажется, начал трезветь.

– Ну ладно, чего ты, – попытался он защититься. – Я же думал...

– Ты – думал? – изумилась Аглая. – Что ты вообще можешь думать!

– Ну, мы с тобой... это... в общем...

Коронованная гневом особа медленно опустилась в крес-

ло.

– ...Нам же так было... хорошо... – робко оправдывался Алик, шаря глазами, что бы на себя накинуть.

Аглая слушала.

– Ты же говорила...

Аглая встала, из соседней комнаты принесла его штаны, кинула.

– Так что я говорила? – спросила она пытающегося по-пасть в штанины волосатыми ногами жильца. – И кому было хорошо?

– Ты? Что ты... э-э... говорила? – Алик поднял голову и задумался. Но ответил только на второй вопрос.

– Нам.

– Я?.. Говорила? – повторила с напором Аглая. – Я хочу услышать, что я говорила.

– Ну, в общем, как это... Ну, и так же понятно.

– Что – понятно? – широко распахнув глаза, спросила она очень тихо.

Она почти увидела: фигурки тысяч аликов, похожих на кроликов с ободранными шкурками, на четвереньках быстро-быстро бегут по трясущейся наклонной плоскости, белые стены домов рушатся, падают, давят их...

Необъяснимая картина этого ужасного чувствознания становилась все отчетливее, окружающая ее реальность – все туманнее.

Она видела, как за ее спиной! – как это можно увидеть! – в разорванные криком рты полуобнаженных жещин... цепляющихся за набитые скарбом мешки... за огромные, еще не разбитые сосуды... вливаются потоки черной густой смолы... Как у немощных стариков... проклинаящих небо... вылетают облитые похотью глаза из глазниц... Она видела!

Она видела себя, карабкающуюся по скале, и впереди – детскую пяточку.

Маленькую, нежно-розовую пяточку, с воткнувшимися острыми колючками и тонкими царапинами.

– Аглая, что с тобой, – тряс ее перепуганный Алик со стаканом воды в руке. – Я же ничего такого не сказал... Что с тобой, успокойся.

– Чья это пяточка? – спросила Аглая, глядя на него огромными, вычерченными синим, кругами глаз.

– Какая пяточка? Я ничего не говорил про твои пяточки...

Аглая медленно выпила воду и побрела досыпать.

* * *

На часах было три. Густо-лохматая сентябрьская ночь всю прелюбодействовала в темноте с шорохами одиноких шагов, шепотом моря и ветром, задирающим подолы фонарному свету.

Вульф, сидя в огромном кабинете Старика, думал об Аг-

лае. Вернее, о ее украшении.

О талисмане, неизвестно каким образом воссозданном – из праха, из вселенской пыли – этим ее шизофреником-другом... Юрием Гольдштейном... о древнем талисмане рода... на стройной шейке... в общем-то, довольно красивой... русской... девки... со странно-пронзительным именем.

Тяжелая шелковая штора, подсвеченная зеленоватой лунной и напитанная тревожными запахами моря, вычерчивала на полу плавные синусоиды. Огромные книжные шкафы красного дерева, хмурые и очень старые, походили на корабли, полные сокровищ. Корабли, застигнутые штилем в стариковской квартире – этом сокрытом от посторонних глаз антикварном угрюмом порту.

Вульф тихо и как бы крадучись подошел к одному из шкафов, дальнему. Долго рассматривая темные от времени корешки с пожухлым золотом букв, наконец, потянул одну из книг. Пленница застонала кожей переплета и слегка наклонилась. Вульф усмехнулся: вязь кириллицы ему, знавшему так много, была неведома. Аккуратно вдавив томик на место – это был третий том из собрания сочинений Даля – он закрыл шкаф.

Вульф продолжал думать об Аглае, которую впервые увидел два года назад, в Мюнхене, в букинистическом магазине.

...Она стояла почти спиной к нему, разглядеть он ее не мог, да и не имел обыкновения обращать внимание на женщин с улицы. Оставалось загадкой, почему все же его взгляд

ухватил обнаженное загорелое плечо незнакомки, прядь волос, каких-то палево-осенних, кисть руки, которой она поглаживала томики в сафьяновых переплетах.

В ту минуту ему и в голову не могло прийти, что он, столь занятый и знатный человек, будет сегодня весь день – и завтра, и послезавтра, и почти год! – охотиться за призраком в белом бязевом платье из книжного магазина.

...Незнакомка перекинула сумочку на другое плечо, на секунду прижалась лбом к книгам, резко отстранилась от стеллажа, повернулась и быстро, как-то ранено-летяще пошла в его сторону.

Все быстрее приближаясь, она не замедляла шага. Вульф, зачарованный зрелищем несущейся ему навстречу светловолосой мелодии, не успел отстраниться. Незнакомка врезалась в него, как птица врезается в прозрачную невидь окна. Он схватил ее за плечи, пытаясь удержать. Она смотрела на него – и сквозь него – наполненными сполохами света и муки глазами, через секунду глаза начали чуть темнеть и наполняться земными отражениями.

– Простите! Ради Бога простите, – поразительно искренне сказала она и пошла к выходу – уже медленно.

Вульф смотрел ей вслед и ладони его горячели. Будто вместе с пульсирующей кровью в них билось, и трепетало, и рвалось на части маленькое невидимое сердце женщины, брошенной ему в руки.

Но это было не все. Это даже не было главным: Вульф

уже давно научился не реагировать на глупости, которые все реже, впрочем, нашептывала путаница-душа...

Но сейчас из колоды судьбы – кажется? – вылетела его карта. Его шанс. Шанс... на спасение?

В глаза Вульффу все еще били немислимые сполохи все-сожжения из глаз незнакомки... вместе с искрами к темно-му небу летели дымные легкие волосы... на полуобнаженной груди... на нежном шелке кожи... лежал... ЗНАК.

«Этого не может быть!» – стукнуло в висок отчаяние.

Но клокочущая радость обретения уже завихривала кровь.

«Этого не может быть! Этого знака нет. Он пропал... Бесследно! Откуда родовому талисману взяться у этой сумасшедшей красотки!»

Он медлил.

Потом он очень жалел, что медлил, что в ту же минуту не бросился вдогонку за златоглазой странницей, увы, умеющей растворяться в пустынности улиц. Это промедление почти стоило ему жизни: срок, откарканный полоумной старухой в шелковых со слониками штанах, сжался до ничтожной малости.

Защита

Утром, оставив Алику записку, чтоб искал себе другую квартиру, Аглая съездила в супермаркет, приволокла кучу продуктов и бутылок с бытовой химией, распахала все это по местам, позвонила мужу – не дозвонилась, еще раз позвонила – безрезультатно. Вымыла полы. Навела наконец-то порядок в кухонных шкафчиках. Вычистила до блеска унитаза. Заказала очередь к зубному врачу. Перебрала одежду в шкафу. Выложила подушки на солнце.

Утро все не кончалось, хоть и начало подавать признаки перехода в раскаленное состояние дня.

Она попробовала почитать какую-то книжонку – бросила. Нехотя перекусила. И решила все же как-то упорядочить свои жуткие провалы в *неизвестное никуда*.

– Первое – Иерусалим, ковровый подвал, – считала она, загибая пальцы. – Второе – у Старика, когда за спиной раскалывалась земля на части, и я это видела. Третье – когда Алик снова домогаться меня начал... Этот кромешный ад... И эта пяточка детская... Да, еще голос с потолка... Что он сказал?... Что я, Аглая, буду... Чья-то я буду... Чья, интересно?

Виденья наслаивались одно на другое, стены квартиры словно бы двигались, силы воли не хватало оставаться дальше одной. Она позвонила Юрчику. Кому еще можно было

хоть что-нибудь объяснить?!

– Занят? – с ходу спросила.

– Нет, – растерялся тот.

– Я приеду.

Уже надев туфли, Аглая вернулась, подошла к окну, сняла сделанный другом на день ее рождения талисман, долго рассматривала его в горячем как арабская лепешка солнечном свете.

– Этого не может быть, – сказала задумчиво про себя, вовсе не отдавая себе отчет в том, чего именно «не может быть».

Приехала к Гольдштейнам. Села в свой любимый угол. Стащила кольца, соорудила из них пирамидку. Разрушила ее. Застонала.

Юрчик подошел к ней вплотную и начал медленно поглаживать по волосам. Аглая ткнулась ему головой в живот.

– Ну, успокоилась, Аглаюшка? – наконец спросил он.

– Угу, – промычала гостя, вытирая нос о его застиранную майку. – Опять кормить не будешь?

– Ну что ты, Аглаюшка, сейчас яишенку поджарю. Больше в доме ни хрена нет, а яишенку поджарю. Хочешь?

– Да нет, я дома перекусила, – вспомнила Аглая. – Сделай кофе.

– А музычку тебе поставить? – Юрчик поставил турку на

огонь, подошел к гостье и еще раз ласково погладил.

– Не надо, – мотнула она головой и почти безразлично, не поднимая глаз спросила, – скажи... когда твоя болезнь началась... тогда еще... в России... Как она начиналась?..

Юрчик поскреб бороду, нехорошо щуря один глаз. Постоял в задумчивости. Подошел к плите, выключил конфорку. Газ чпокнул и погас. Аккуратно сняв пенку и разложив ее в крохотные керамические чашечки, налил кофе. Усевшись напротив, велел:

– Рассказывай, что случилось.

– Не знаю, – ответила Аглая. – Я не знаю, что случилось...

Юрчик молчал, подперев голову тяжелым кулаком и затаиваясь так, что дым полз в нос. По дороге дым запутывался в жесткой щетине и шевелился там сизыми змейками.

– Помнишь, я говорила, что была в Иерусалиме? – Аглая посмотрела на друга с надеждой. – Ты еще тогда как-то отшутился и не стал слушать... Ну, так вот... Туда послал меня Старик – передать письмо. Он сказал, где я должна быть и во сколько, но не сказал, кому именно надо передать этот конверт. Я не стала спрашивать...

Она запнулась.

– Рассказывай, – велел друг.

– Хорошо, – продолжила Аглая. – Стою, жду. Жара. Самый центр Старого города. Там шумиха обычно, а сейчас как вымерло все... Может, из-за этих взрывов бесконечных... Одни арабы-торговцы... Долго стою, час, наверное. Наконец

вижу: кто-то движется в моем направлении. Мне показалось, что это тот, кому надо передать письмо. Человек же – ми-нуя меня – заходит в соседний магазинчик. Но буквально через минуту возвращается, спрашивает, не нужна ли какая помощь. Вызнаю – некуда уже было деваться! – есть ли в его лавке туалет. Он предлагает мне следовать за ним. Галантно так... Пересекаем узкий, заваленный товаром магазин. Спускаемся по винтовой лестнице. Лестница крутая, неприятная. Человек этот чем-то напоминает мне султана. Или – шаха, не знаю... Спина прямая, голова гордо откинута, шаг легкий. Но какое-то коварство в нем... Чувствую! Ты знаешь, что я чувствую такие вещи!

Юрчик кивнул и еще глубже затянулся.

– Проходим один зал. Потолки высоченные, вместо стен... – Аглая задумалась на секунду и, словно рассматривая висящую перед ней картину, начала описывать дальше. – Вместо стен – водопады ковров. Серебряные чаши-раковины на мраморном полу... Огромные... И зеленая подсветка. Ощущение, что идем по морскому дну... Следующий зал. Там один-единственный ковер, златотканый... Посредине зала – фонтан. Из него пьет воду львица с янтарными глазами. Я ее сначала за живую приняла, даже испугалась немного... Идем дальше... У меня рябит в глазах: ковры, ковры, ковры... Они шевелятся. Мне так кажется, во всяком случае. Думаю: куда ведет-то! Куда!? Подумала – и нехорошо стало. Воображение разыгралось: вот приведут тебя, говорю сама себе, в

последнюю комнату, швырнут на ковер персидский и... Изнасилуют! Убьют! На кусочки расчленят! А вокруг зулусы с обнаженными саблями. Или звери дикие...

Юрка скребанул в бороде.

– Ладно, там на мою невинность так, в конце концов, и не посягнули, кажется, – на секунду споткнувшись и, словно бы вспомнив чего-то, сказала Аглая и подробнейшим образом принялась описывать туалет, каких она сроду не видывала.

Она даже развеселилась немного, рассказывая, как маленький воришка шевельнулся в ее душе при виде изящных статуэток, расставленных на раковине. Но тут же сникла. Тревога, снедающая ее, оказалась сильнее природного дара смотреть на ситуации, даже самые сложные, полушутя.

– Юрочка, когда я вышла, увидела, как какая-то фигура буквально растворилась в стене. Стою, думаю, показалось или нет? И еще думаю, что самой ни за что не выбраться из этого лабиринта подземного... Тут появился мой повелитель, кивнул, чтоб за ним следовала. Идем, а залы совсем другие. Поменьше. В одном из них – гобелены старинные, кресла готические. Приглашает сесть. Я стою как каменное изваяние и делаю вид, что совсем плохо иврит понимаю. Он переходит на немецкий и что-то объясняет мне про искусство Средневековья. Я непроизвольно реагирую: отвечаю тоже на немецком. Откуда он знает, что я владею этим языком – в голову не пришло спросить! Почему-то начинаю излагать концепцию карнавальности инквизиции... Султан мой слушает, по-

нимающе кивает. Я радуюсь, что встретила в кои-веки компетентного собеседника, усаживаюсь в кресло, придвинутое им. Что-то пью, какой-то странный чай. Или, скорее, настой. Откуда он взялся?! Кто мне подал этот стакан – даже не заметила! Вдохновенно разглагольствую и не могу остановиться.

– Ну да, иногда у тебя такой словесный понос открывается... – иронично произнес Юрчик.

– Не говори гадости, мне и так тошно... И не перебивай, если можешь... Теперь не помню, на чем остановилась.

– Но том, что сидишь и треплешься.

Аглая взглянула на друга укоризненно.

– Тут появляется слуга. С подносом. Там фрукты, вино...

Глянула на него – и сердце оборвалось. Господи, думаю, что я тут делаю?! Зачем пью?! Может, это отрава! Может они – работоторговцы! Откуда это богатство?! Почему меня сюда заманили и ублажают? Что, наверху туалета нет? Продавцы из верхнего магазина малую нужду на золоченых унитазах справляют? Чай в сторону отставила, от вина отказалась. Молчу. Потом резко перехожу на высокий иврит, чтоб знали, что я гражданка Израиля, может быть, даже персона какая-нибудь важная, и государство меня будет искать. Служка исчезает. Юноша извиняется, говорит, что сейчас вернется и выходит следом за ним. Я сижу, как парализованная. Ругаю себя на чем свет стоит: почему не встаю, почему не уйду?! Чего жду?! Бог его знает! Светильники горят... Гобелены мрачнеют. Или это у меня в голове мутится... Начинаю

чувствовать, что как бы одурманена. Какой-то запах, мне показалось, вокруг витает... Сладкий, очень приторный. Все, думаю, анаша. Или гашиш. Или Бог его знает, как эта отравка называется. Сами ушли, а я сейчас усну и проснусь рабыней в какой-нибудь африканской стране. Или в азиатском борделе... Встаю. Ноги не слушаются...

– Аглаюшка, ты, может, просто разморилась, спатеньки захотела. А твое воображение... бурное... – перебил Юрчик.

– Заткнись, а! – отрезала она. – Ты понимаешь, что я не помню, что со мной было больше трех часов?! Я по-всякому считала. На лестницы, залы и туалет полчаса, на болтовню столько же... Час! Пускай полтора! Но не три! Допустим, на мобиле цифры сбились. Он падал, я говорила тебе! Нет!?! Но солнце-то? Я что, не знаю, когда оно садится?! Когда вышла оттуда, солнце уже шло на закат. А приехала – в полдень!

Аглая, прикусив губу, выжидательно глядела на друга. Тот потянулся к маленькому телевизору, стоящему на убогой тумбочке, включил его.

Кукольные глаза диктора уставились в противоположную стену. Через минуту шевелящийся резиново рот начал выговаривать слова: «По предварительным оценкам, жертвой террористического акта в Иерусалиме стали восемьдесят израильтян. Террорист-самоубийца...»

Юрка матюгнулся и сделал звук громче. Но диктор, сморгнув дважды, сообщил, что подробности – чуть позже.

По немому экрану телевизора продолжали ездить «амбу-

лансы», груженные черными мешками с трупами, в лужах крови плавали осколки витринных стекол...

– Суки! – Юрка вслепую нашарил в ящичке упаковку лекарств. – В свиные шкуры их заматывать после смерти! Хрен тогда к девственницам в рай попадут!

Выдавив сразу три таблетки на ладонь и закинув их в глотку, он повернулся к Аглае.

– Так, говоришь, память потеряла? Да?

Аглая насторожилась.

– А амулетик с тобой был?

Она торопливо кивнула.

– Ну, значит, ничего с тобой плохого быть не могло. Запомни: ты – защищена.

Женщина еще раз кивнула, очень доверчиво...

– Амулетик-то я тебе надежный сделал. Ты не бойся – пока он с тобой, будешь неприкосновенна. Ни хрена тебе никто ничего плохого сделать не сможет... Ни эти, с чумазыми рожами палестинскими, ни те – хвостатые... Никто! Я амулетик твой знаешь в каких мирах надыбал? Не знаешь... Туда вам ходу нет, где я бывал. Туда таких нежных не пускают, Аглаюшка... Я за этот амулетик цену ого-го какую заплатил.

Не очень-то хотели секрет открывать. Но я попросил. Я очень попросил для тебя, Аглаюшка. Ты не сомневайся, я правду говорю... И скажу тебе, что вещицу эту не одна ты носила. Не знала?.. Ох, какая у нее еще хозяйка была...

Юра медленно подходил к Аглае, притворно сладко улы-

баясь, тонируя мурлыканьем голос. Гора его тела дышала первобытностью и силой. Вплотную приблизившись к гостю, он обхватил ее за плечи, ведя свои огромные ладони вверх, к горлу.

– Задушить, что ли, меня хочешь? – слегка отстранилась Аглая.

– Тебя?! Аглаюшка?! Что ты такое говоришь! – Юрка отпрыгнул. – Разве я могу тебе что-нибудь плохое сделать! Я же к тебе не для того приставлен, я помочь тебе хочу.

– Ага! – возмутилась она. – Помощник! Придушишь, и пикнуть не успею.

– Да не бойся, милая. Я теперь совсем здоровый. Ситуацию под контролем держу. Я их перехитрил, они до меня больше не доберутся. Веришь?

Юрка стал как-то оседать и стареть на глазах: видимо, начали действовать лекарства.

– Я тебе еще яишенку сделаю, – сказал он, надевая фартук. – Только погоди чуток, я только прилягу на минуточку, а потом сделаю. Не уходи, Аглаюшка... Пожалуйста, не уходи без меня....

Она осталась одна в маленькой кухоньке, где было много всякой хохломы, и на кривом удилище судьбы, вознесшей ее в Иерусалим, трепыхалась сметенная душа...

Вернулась с работы Наденька, молча поставила перед Аглаей чашку, налила крепкого свежего чая, спросила:

– Аглая, ты чего такая в последнее время?

– Какая?

– Ну, вздернутая какая-то. Что-то случилось?

– Я не знаю, Муся, – честно ответила Аглая. – За исключением какой-то фигни, ничего не случилось. А ощущение – что я куда-то проваливаюсь, будто меня засасывает что-то... Так, наверное, зверь себя чувствует, когда его окружают охотники, стоящие против ветра. Запаха нет, а опасность – вот она, в воздухе витает. И трепещет зверек, ничего не понимая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.